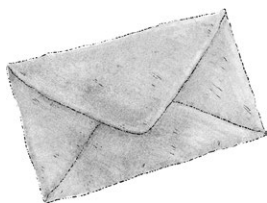


Глава 1



Грэм

— Готов?

Финли покачал черноволосой головой, затем вновь склонился над блокнотом, лежащим перед ним на столе. Между губами показался кончик языка: он всегда его высовывал, когда был крайне сосредоточен. Финли положил руку на стол так, чтобы Грэм не смог увидеть написанное. Тот разглядел лишь первые две строчки:

Дорогая мама! Я знаю, что теперь ты живешь на небесах, но все же надеюсь, что ты получишь мое письмо...

Грэм отвернулся и заморгал. Патриция умерла три года назад, но боль не утихала, и он так и не научился с ней жить — как ему пророчили люди с благими намерениями, не знавшие, что большая любовь бывает только раз в жизни. Утром он просыпался с мыслью о Пэт и с ней же засыпал вечером. И в книжном магазине все напоминало о ней.

Над дверью на металлической вывеске бутылочно-зеленого цвета золотыми буквами было написано:

«Читающий лис». Подобно лисьей норе, магазин, встречавший посетителей двухэтажной галереей, расширялся вглубь, к саду. Узкие коридоры вели в небольшие помещения с низкими потолками, а их названия сохранились еще со времен тестя Грэма, старого Фокса*: транспортная комната, шотландская комната или сентиментальная комната — в зависимости от того, какие книги стояли на высоких полках. Пэт украсила каждую в соответствии с их тематикой. В детективной комнате на стене висели пистолеты и кусок веревки, которую, предположительно, сняли прямо с виселицы. В музыкальной она прикрепила к потолку скелет, играющий на скрипке, а у окна стояло пианино. Последние ноты, по которым она играла, все еще были открыты: главная тема из французской классики — фильма «Амели».

Грэм больше ничего не менял в Лисьей норе. Он даже не заменил старый кассовый аппарат на более современную модель, хотя эта громадина капризничала похлеще голливудской дивы.

Поскольку музыкальная комната была самой большой в Норе и, кроме пианино, в ней стоял чудовищный письменный стол, наверняка переживший Вторую мировую войну, Грэм позволил Финли написать письмо матери именно там.

Сын никак не хотел заканчивать, и Грэм встал и подошел к пианино. Он сел на обитый кожей табурет и положил руки на клавиши. Пэт терпеливо показывала ему,

* Фамилия Фокс (Fox) переводится с английского языка как «лис», отсюда и название магазина, которое отсылает к его основателю.

куда нажимать, и даже направляла его пальцы, прежде чем ей пришлось со смехом признать, что он безнадежен. Закрыв глаза, он на мгновение представил, что она снова сидит рядом.

— Готово! — Кончик языка исчез за губами Финли, уступив место довольной улыбке. — Осталось только написать на конверте наш адрес.

— Думаешь, мама забыла?

— Лучше перестраховаться, чем потом жалеть! — Финли потянул конверт к себе. «Финли Эркин, Харбор-руд, 8, Суинтон-он-Си», — вывел он крупным круглым детским почерком. Он так сильно надавил на кончик перьевой ручки, что точки над *i* превратились в маленькие дырочки.

Грэм посмотрел на часы. Как же он будет рад, когда этот день наконец закончится! К сожалению, был только час дня. Он снял очки и помассировал переносицу большим и указательным пальцами.

Наконец Финли закрутил перьевую ручку. Он сложил письмо вдвое и вложил в конверт.

— Осталось только надуть шарик! — объявил он.

Воздушный шар они купили еще вчера. Он был в форме сердца, перламутрового цвета, и на нем золотым курсивом было выведено: «Мы скучаем по тебе». Грэм никогда бы не подумал, что в ассортименте ворчливого старика Пebbлза есть нечто подобное. На самом деле в его забитом до краев магазине было абсолютно все — от зубной нити до нижнего белья и яблок. И слава богу! Ньютон-Стюард, ближайший крупный город, находился более чем в десяти милях от Суинтона.

— Где же нам его запустить? Сразу за дверью?

— Нет! — Финли возмущенно посмотрел на Грэма. Его круглые карие глаза с длинными густыми ресницами слишком напоминали глаза матери. — Здесь, внизу, он может застрять где угодно. Мы должны подняться на холм!

Грэм сглотнул комок в горле. Даже оттуда воздушный шарик не сможет найти дорогу к Пэт. Но он не мог сказать об этом Финли. Он потянулся за своим твидовым пальто, уже немного потертым на локтях, и намотал на шею шерстяной шарф — один из последних подарков Пэт. Затем повесил на стеклянную дверь табличку «Закррито», и вместе с Финли они вышли из магазина, чтобы сесть в машину и отправиться на Суинтон-Хилл.

Утром выпал снег, но теперь лишь пять вершин Хребта Ужасной Руки покрывал слой белой пудры. Поместье Суинтон, словно неприступная крепость, возвышалось на холме, наблюдая за одноименным городком у подножия. Однако стоило подъехать ближе, и нельзя было не заметить, что лучшие времена поместья, в котором когда-то жил один из старейших кланов Шотландии, давно прошли. В любое другое время года густые заросли плюща скрывали осыпающуюся штукатурку, но теперь, когда остались лишь корявые ветки, было очевидно, что здание пришло в упадок. На стекле одного из окон второго этажа даже появилась трещина, которой не было, когда Грэм в последний раз приезжал сюда осенью.

Он припарковал «Мини» перед домом, и они вышли из машины. Ветер тут же начал трепать воздушный

шарик, заставляя его танцевать в предчувствии приключений. Хорошо, что перед поездкой Грэм крепко привязал его к запястью Финли веревочкой! Улети он в самый неподходящий момент, сын разыграл бы грандиозную трагедию. Уже несколько дней Финли планировал отпустить шарик в небо в годовщину смерти Патриции. Он даже подобрал музыку для этого торжественного момента.

Финли взял Грэма за руку и повел его к месту на холме, откуда открывался вид на окружавшие их родной городок маршевые луга — до самого моря.

— Мы отпустим шарик здесь! Мама наверняка выбрала облако прямо над морем. Ей всегда нравилось бывать у воды. — Финли высвободил пальцы из ладони Грэма и достал мобильный телефон. Хотя ему было всего восемь, он уже пользовался им лучше, чем отец! «Пэт перевернулась бы в гробу, если бы увидела это», — подумал Грэм.

Финли нажал на кнопку телефона, и зазвучали первые такты песни *My Heart Will Go On*. Грэм подавил стон. Хотелось бы ему знать, кто вбил все это в голову Финли. Наверняка Герти. Мик и Тесса позволяли своей дочери проводить слишком много времени перед телевизором. Но потом он посмотрел на сына: тот обеими руками крепко держал веревочку воздушного шарика, а его взгляд был устремлен куда-то в облака.

«Он стал отличным парнем, жаль, что ты этого не видишь», — тихо сказал Грэм в мерцающую синеву. Затем он стал ждать какого-нибудь знака. Луча солнца из-за облака, внезапного порыва ветра, чайку или что телефон вдруг разрядится и Селин Дион замолкнет — чего-то,

что подскажет ему, что Пэт и правда сидит на облаке и смотрит на них сверху вниз. Но ничего не произошло, за исключением того, что дальше по улице старый автобус его отца взбирался на холм. И при всем желании он не мог истолковать это как знак.

— Может, побыстрее отпустим шарик? — спросил он Финли. Секунду назад его глаза были влажными, однако желание плакать пропало. — Твой дедушка идет.

К сожалению, Финли не поддержал его согласным кивком. Вместо этого он сказал:

— Там может быть и бабушка.

Грэм вздохнул. Какая жалость! Старый вояка обладал даром разрушать самые возвышенные моменты одним своим присутствием.

Так случилось и сейчас.

— Ты забыл запереть лавку! — заявил отец, как только подошел к ним. — С утра по деревне бродит крайне подозрительный тип и везде заглядывает. — Пол Эрскин укоризненно свел густые брови.

Грэм снова вздохнул, на этот раз довольно громко. Его отец был заядлым читателем детективов и сожалел лишь о том, что на протяжении десятилетий уровень преступности в Суинтон-он-Си был практически нулевым. Но это не мешало ему видеть преступность повсюду. С тех пор как Пол Эрскин вышел на пенсию, он изображал из себя блюстителя закона и порядка.

— И что же должен был украсть этот крайне подозрительный тип? Путеводитель тысяча девятьсот пятидесятого года, который лежит у кассы, потому что я забыл поставить его на место? Или сразу кассовый аппарат? Удачи с тем, чтобы открыть его! Или унести

с собой. — В последний раз, когда эта капризная штука-ковина сломалась, Реджи Макдональд в попытке забрать ее к себе в мастерскую сорвал спину. — В нем, наверное, фунтов двадцать.

— И от мелкой скотины бывает навоз, — проворчал отец. Хотя по шотландским меркам было невероятно холодно, он не удосужился застегнуть куртку, а под ней была только красная фланелевая рубашка в клетку. К холоду он был невосприимчив. Как и к настроению окружающих. Возможно, он даже сделал бы неуместное замечание на похоронах принца Филиппа, если бы королева имела неосторожность пригласить его. — Чего это вы стоите здесь с воздушным шариком и слушаете это нытье?

— Я написал маме письмо, а шарик доставит его ей на небо, — ответил Финли, и Грэм восхитился самообладанием сына. Сам он, как это часто бывает, предпочел бы свернуть отцу шею. *Нытье...* Хотя, надо признать, в чем-то он прав.

— Ох! — Отец выглядел искренне потрясенным. — Сегодня же годовщина ее смерти. А я даже и не подумал. Он о многом не думал...

— Может, продолжим? — неохотно спросил Грэм, притягивая Финли к себе. В приезде отца был как минимум один положительный момент: песня *My Heart Will Go On* закончилась, и из телефона заиграла куда более жизнерадостная *We'll Meet Again* Веры Линн:

Мы встретимся снова.

Не знаю где,

Не знаю когда,

Но одним солнечным днем мы встретимся снова.

— Не так-то просто среди миллиардов женщин в этом мире найти ту, которая тронет твое сердце.

Отец недолго помолчал, прежде чем сказать:

— Ты прав, сынок, несомненно, прав. — Он ударил своей огромной лапищей по плечу Грэма, да так сильно, что тот чуть не упал на колени. — Но, может, пока будет достаточно, если некая милая барышня тронет у тебя кое-что другое?

Глава 2



Вики

— Раз, два... и три! Продано!

Вики подскочила. Она и правда задремала. Такого с ней еще не случалось. Она надеялась, что этого никто не видел. Вики посмотрела на отца: тот держал в руке перьевую ручку «Монблан», подарок Евы на день рождения, и что-то писал на листе бумаги, вложенном в папку. Хотя ему и так сообщат сумму отдельных ставок и данные покупателей сразу после аукциона, он не мог удержаться, чтобы самому все не записать. Спокойно он спал, только когда контролировал все на свете.

Вики поправила пиджак своего брючного костюма кремового цвета и выпрямилась. На столе Франца, который вот уже двадцать лет организовывал все аукционы в Художественной галерее Ламбаха, стоял только что приобретенный предмет: печатная графика. Это было изображение головы молодой женщины, покоящейся на коленях у пожилого мужчины, который положил руку ей на спину, чтобы утешить. Вики обнаружила рисунок у одного из членов совета директоров

крупной автомобильной компании. Этот человек получил в наследство от отца множество произведений искусства разного качества. Тогда имя художницы Сидони Шпрингер ничего не говорило Вики, и она не думала, что ее картина принесет много денег, — графику она оценила в тысячу двести евро. Но что-то в этой картине ее тронуло. Она бы с удовольствием и сама купила ее у этого человека за такую цену, и, возможно, он бы даже продал ее.

Вики вытянула шею, чтобы посмотреть, за сколько картина была продана на аукционе. Хуберт своим размашистым почерком написал: «14 500 евро». Четырнадцать с половиной тысяч! Может, ее отец случайно добавил лишний нолик? Нет. Он никогда не ошибался. Вики села ровно. Может, сумма относилась к предыдущему лоту, а аукцион графики только начинался? Может, она задремала дольше, чем на несколько секунд?

Нет, все совсем не так! Теперь Вики увидела, что печатную графику заменили на панно XV века из древесины дуба, изображающее святую Веронику с плащаницей Христа.

Четырнадцать с половиной тысяч! Хотя Вики все еще не могла в это поверить, она почувствовала, как губы расплываются в улыбке. Произведение искусства сложно объективно оценить: оно всегда стоит столько, сколько за него готовы заплатить. Интуиция ее не обманула: эта графика — нечто особенное. Но даже в самых смелых мечтах она не предполагала, что за нее предложат такую сумму. И как назло, она пропустила именно эти торги.

В ту ночь Вики плохо спала, потому что ей снова приснился этот сон. Сон, который она видела слишком часто. В нем Вики сидела на подоконнике старого дома у моря и смотрела на залитую дождем улицу. В руках у нее была чашка какао, а за спиной мерцал уютный огонь. И все же ей было холодно. Вики понимала, что кого-то ждет. Во сне она так и не узнала, кого именно.

Она зевнула, прикрыв рот ладонью. Последние несколько дней были напряженными. Аукционы в Художественной галерее Ламбах проводились дважды в год: один раз в конце весны, второй — в конце осени, в преддверии Рождества, когда предметы искусства выставлялись на торги не для перепродажи, не для коллекций или инвестиции, а в качестве подарков. За последние две недели ноября было выставлено более девяти тысяч произведений искусства, и одной только Вики, отвечавшей за графику, пришлось идентифицировать и каталогизировать тысячу шестьсот из них. За неделю до начала аукциона у заинтересованных лиц также была возможность посмотреть отдельные лоты и задать вопросы, на что уходило дополнительное время.

С учетом накопленных сверхурочных Вики могла бы провести четыре недели на Мальдивах. Но следующего отпуска придется ждать довольно долго.

Она незаметно попыталась размять напряженные мышцы. В сентябре из-за сильных болей в спине она ходила к массажистке. На прием ее записала помощница, поэтому только во время визита Вики узнала, что эта женщина — ее нужно было называть Абати — еще

и шаманка. Воздух в ее кабинете был пропитан ароматом палочек сандала и пачули, на стенах висели индийские платки, и Абати настояла, чтобы сначала провести с ней обстоятельную беседу за чашкой чая (кофе она не пила), вместо того чтобы разобраться с ее напряжением. К концу сеанса, когда Абати установила, что причина проблем со спиной — хронический стресс, а не просто плохая осанка, Вики поклялась никогда больше туда не возвращаться. И не вернулась. На следующие сеансы массажа в стерильном центре физиотерапии Вики записывалась сама, и они, что удобно, длились всего пятнадцать минут и не предполагали ни чая, ни разговоров.

Однако на прощание Абати дала ей кое-что, от чего Вики не смогла отказаться. «В тебе много боли, — сказала она, пристально глядя ей в глаза с долей тревоги. — Но эта боль наделяет тебя огромной чувствительностью. У тебя есть особый дар: ты способна заглянуть в самую душу произведению искусства. Кроме того, ты способна открыть ее людям».

Вики не могла объяснить, как боль в напряженных мышцах позволяет ей делать нечто подобное, но способностью заглянуть в душу произведению искусства она действительно обладала. По крайней мере, она уже не раз доказывала, что чутье ее не подводит. А вот умели ли торговцы оценить эту душу — вопрос спорный. В конце концов, они покупали предметы искусства не для себя, а для перепродажи в своих галереях. К сожалению, даже с помощью эзотерической чепухи Абати Вики не смогла бы убедить отца доверить ей управление берлинским филиалом в следующем году. А ведь

это была главная цель Вики, причина, по которой она работала в аукционном доме больше всех — даже больше, чем ее отец, — и не брала ни одного отгула.

С тех пор как полтора года назад Хуберт снова стал отцом — в возрасте пятидесяти четырех лет! — его жена Ева постоянно твердила ему, что берлинским филиалом должен управлять кто-то другой. Сейчас же он несколько раз в месяц мотался между Берлином и Мюнхеном и видел маленького Карлоса только по выходным. Лишь недавно он сдался и пообещал Еве, что назначит преемника не позднее традиционного новогоднего бала компании. Можно было подумать, что эту должность займет Вики, его дочь, но Хуберт Ламбах был не из тех, кто принимает профессиональные решения, руководствуясь эмоциями.

— Ты что, задремала? — спросил Хуберт, когда они в конце долгого аукционного дня покидали ванильно-желтое здание в стиле модерн, где располагалась Художественная галерея Ламбаха.

Конечно, он заметил!

— А ты мог представить, что за графику Шпрингер дадут столько денег? — сменила тему Вики. — На тринадцать с лишним тысяч больше предполагаемой цены. — Она все еще чувствовала прилив тепла при мысли о том, что именно она обнаружила этот бриллиант.

Отец кивнул.

— Мейсенский фарфоровый сервиз вчера принес двадцать пять тысяч евро вместо шестисот, в которые его оценил Патрик. Два покупателя по телефону без конца поднимали ставки.

Тепло внутри Вики внезапно исчезло, и она почувствовала себя так, словно на нее вылили ведро ледяной воды. Патрик, руководитель отдела фарфора, тоже подал заявление на должность управляющего филиалом в Берлине. Она ждала, не добавит ли Хуберт что-нибудь еще, но так ничего и не услышала. Ни «Ты прекрасно поработала!», ни хотя бы чего-то вроде «Графика Шпрингер стала приятным сюрпризом!»

Ее желудок сжался. Пока у отца не будет хотя бы одной находки, подобной «Увядшим листьям», за которую он мог бы поблагодарить ее, она не получит от него никакой похвалы. И руководство филиалом в Берлине тоже. Рисунок Фридриха Оливье 1817 года был оценен в 2014 году их конкурентом Бассанжем в сто двадцать тысяч евро и продан на аукционе за 2,6 миллиона.

— Тебя подвезти? — спросил Хуберт.

Вики покачала головой. До Ленбахгэртен — жилого комплекса, где находилась ее квартира, — чуть меньше двух километров, и она с радостью прогуляется пешком. В отличие от Хуберта, который всегда преодолевал даже такое небольшое расстояние на машине.

Она увернулась от бульдога, который тащил за собой женщину в дорогом пальто. Все говорило о том, что до Рождества остался всего месяц. На старой доброй Бриэннер-штрассе, хотя улица была пешеходной, обычно царило спокойствие. Но сегодня Вики пришлось пробираться сквозь толпу прохожих, большинство из которых держали в руках не один, а несколько пакетов с дорогими дизайнерскими вещами.

Вики обрадовалась, когда бульвар наконец остался позади и она свернула в Старый ботанический сад.

Хотя он располагался между двумя оживленными улицами, здесь было на удивление тихо. Когда она прогуливалась по небольшому парку летом, то, помимо журчания фонтана «Нептун», слышала даже щебетание птиц.

Она свернула с главной дорожки. Чуть в глубине, в небольшой роще, спрятался художественный павильон. Если выдавалась свободная минутка, Вики любила заглядывать туда, чтобы узнать, какая выставка там проходит. В декабре они открывали здесь сборную экспозицию друзей и постоянных резидентов художественного павильона. Время от времени среди них попадались многообещающие таланты. Иногда Вики думала, что ей снова хотелось бы работать в галерее, как после учебы в Вене. В аукционном доме, где она практически всегда вела дела только с дилерами, ей не хватало личного общения с художниками и покупателями.

Над деревянным центральным входом высокими, слегка наклоненными металлическими буквами была выведена надпись «Искусство не роскошь!» — девиз выставок. Бездомные, населявшие скамейки в парке зимой, наверняка смотрели на это иначе. Вики прошла мимо пожилого мужчины с лохматой бородой. У него тоже было несколько пакетов. Однако, в отличие от тех, что несли с собой прохожие на Бриэннерштрассе, эти были из полиэтилена, с логотипами сетевых магазинов, и в них лежали не дорогие дизайнерские вещи, а бутылки, сигареты и, возможно, все его пожитки. В такие моменты Вики испытывала сильное отвращение к огромному разрыву между показной роскошью и бедностью, царившими в Мюнхене.

На улицах только-только зажглись фонари и праздничные гирлянды. Перед отелем «Чарльз», который находился рядом с Ленбахгэртен, несмотря на мороз, стоял кларнетист, чьи руки едва согревали тонкие перчатки. Вики на мгновение остановилась и прислушалась к тоскливой мелодии, которую он наигрывал, а затем опустила несколько монет в черную бархатную коробочку. Внутри лежала открытка. На ней было написано: «Есть только один правильный путь. Твой собственный».

Кларнетист коротко кивнул ей, и, хотя он продолжал играть, ей показалось, что на его губах появилась улыбка. Нежные звуки кларнета сопровождали Вики до входа в многоэтажный дом, где жила не только она, но и Хуберт, Ева и маленький Карлос. Она вспомнила об открытке в футляре музыканта. *«Есть только один правильный путь. Твой собственный»*. Идет ли она и сейчас этим путем?

«Конечно», — сказала она себе. Иначе какой путь тогда правильный?



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:



Mifbooks



Mifbooks



Mifbooks